ГРАНИЦЫ СЕРДЦА

О внешней политике Турции. Часть II

Окончание. Начало — в № 50

"НАШИ ФИЗИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ отличаются от границ нашего сердца. От Европы до глубин Африки, от Средиземноморья до бескрайних степей Средней Азии; все наши братья, живущие в этих регионах, находятся в нашем сердце. Для нас Балканы — это одна половина нашего сердца, а Кавказ — другая половина".

Президент Турции Реджеп Эрдоган

КИПР: ЩИТ И ПЛАЦДАРМ

По Лозаннскому договору Турция отказалась от любых прав на остров Кипр, приняв его аннексию со стороны Великобритании. Тем не менее Кипр раньше был частью Османской империи. А кроме того, в настоящее время — после вторжения 1974 года — Турция де-факто уже контролирует значительную часть острова. Естественно, что на различных картах "Великой Турции", в конце 2010-х годов циркулировавших в проэрдогановских СМИ, весь остров входит в перечень турецких притязаний.

Кипр занимает важное место и в геополитическом видении, которое предлагает для Турции Ахмет Давутоглу: "Балканская политика и ближневосточная политика больше не существуют независимо от глобального и регионального баланса, теперь это скорее ближневосточно-балканская политика, которая развивается с Восточным Средиземноморьем в качестве своего эпицентра, а Кипр является её важным инструментом".

Давутоглу определяет два аспекта важности Кипра для Турции: а) турецкая ответственность за "мусульманскую турецкую общину" острова и б) географическое положение и геостратегическая ценность Кипра: "Даже если бы там не было ни одного турка-мусульманина, Турции пришлось бы поднимать кипрский вопрос. Ни одна страна не может остаться равнодушной к острову, который расположен в самом центре её жизненного пространства".

Для Турции Кипр — это нечто большее, чем просто пространство сдерживания греческого влияния. Военное присутствие Турции на оккупированном Кипре, начавшееся в 1974 году, является фактором, позволяющим Анкаре сохранять определённую власть и влияние в этом регионе. Это военное присутствие можно рассматривать как часть более широкой стратегической позиции её передовых баз, включающей Ирак, Сирию, Катар и Сомали. Кроме того, это также даёт Турции перевес в балансе сил в Восточном Средиземноморье — преимущество, которое все турецкие правительства пытались сохранить, несмотря на свои идеологические разногласия.

Кроме того, региональные события в области энергетики — открытие месторождений природного газа у побережья Израиля, Кипра и Египта — с середины 2000-х годов повысили важность острова для Анкары и в рамках её энергетической стратегии. Управление его природными ресурсами создаёт несколько возможностей для Турции, которая хотела бы участвовать в энергетической архитектуре Восточного Средиземноморья. Это, в свою очередь, станет подспорьем в её усилиях стать центральным государством / гегемоном в регионе, способным определять здесь повестку дня и обеспечивать безопасность. Эти стремления проистекают как из регионального вакуума власти, так и из имперской стратегической культуры, доминирующей в турецком правительстве под руководством Партии справедливости и развития (ПСР).

Турция отчётливо продемонстрировала свои намерения в вопросе природных ресурсов, когда в феврале 2018 года её военные суда помешали буровой платформе итальянской компании ENI достичь цели в кипрской исключительной экономической зоне (ИЭЗ). Платформа, которая по договорённости с греческими властями острова должна была изучить газовые месторождения, блокировалась турецким флотом с 9 по 22 февраля и в конце концов отправилась на следующую плановую операцию в Марокко. При этом Турция приобрела собственные буровые суда и с июня 2019 года неоднократно отправляла их для незаконных работ на континентальном шельфе и в ИЭЗ Республики Кипр. Тем самым она активно оспаривала статус-кво Лозаннского договора, поддерживая доктрину "Голубой Родины", за что в конечном итоге получила санкции ЕС.

Мировая динамика XXI века в сочетании с консолидацией власти ПСР привела к более агрессивной внешней политике Турции, в том числе и в отношении Кипра. Более того, Кипр теперь воспринимался не только как "щит" против греческого влияния (или "эллинского окружения"), но и как передовая база и плацдарм для достижения более широких геополитических целей Анкары.

ЛИВИЯ: ОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ВОРОТА В АФРИКУ

Ливия занимала важное место в османском прошлом Турции. Как известно, Триполитания, примерно соответствующая территории современной Ливии, впервые была захвачена Османской империей ещё в 1551 году. При этом она оставалась последним регионом в Северной Африке, который османы контролировали накануне своего краха.

Сайт министерства иностранных дел Турции отмечает: "Турция имеет глубоко укоренившиеся отношения с ливийским народом. Благодаря своим историческим и культурным связям Турция придаёт первостепенное значение его безопасности и благополучию". В рамках своей внешней политики Турция рассматривает Ливию и другие страны арабо-мусульманского мира с точки зрения "старшего брата" и защитника, претендуя на роль лидера и гаранта безопасности.

Ахмет Давутоглу, имея в виду в том числе и Ливию, писал: "Одной из сильных сторон нашей внешней политики… является продолжающийся процесс воссоединения с народами нашего региона, с которыми у нас общая история и которые готовы иметь общую судьбу. Эта цель будет продолжать определять наши внешнеполитические приоритеты, и мы не будем предпринимать шаги, которые отдалят нас от сердец и умов людей нашего региона ради краткосрочных политических расчётов… Благодаря расширению связей с соседями Турция получит возможность лучше играть свою роль ответственной страны на глобальном уровне".

Во времена Муаммара Каддафи в турецко-ливийских отношениях были взлёты и падения, но они оставались в основном позитивными, а при ПСР вообще значительно улучшились. Но всё изменилось, когда разразилась "арабская весна". Реджеп Тайип Эрдоган призвал Каддафи уйти в отставку, а Турция приняла участие в операции НАТО в Ливии, хотя первоначально выступала против любого вмешательства. После этого Анкара пыталась продолжать политическое, дипломатическое и экономическое участие в делах Ливии, но из-за нестабильности это не всегда было легко.

Когда в 2014 году генерал Халифа Хафтар взял под свой контроль восточную Ливию, Турция отказалась признать поддерживаемое им правительство в Тобруке, которое признали ООН и ряд других стран. Анкара сделала выбор в пользу Всеобщего национального конгресса, базировавшегося в Триполи, в котором доминировали "Братья-мусульмане"*. В 2015 году Турция поддержала Правительство национального согласия (ПНС), созданное при посредничестве ООН в результате соглашения между Триполи и Тобруком. Когда в 2019 году армия Хафтара вновь развязала военные действия и уже была на подступах к Триполи, Турция начала широкомасштабную военную интервенцию в поддержку ПНС.

В речи, произнесённой двумя годами ранее, Эрдоган заявил: "Мы не будем простыми наблюдателями в ситуации вокруг Ливии… Мы знаем, что, если не будем рассматривать проблему в широкой перспективе, они никогда не оставят нас в покое на этих землях. Судьба турецкого народа — взять на себя бремя всей географии от Балкан до Кавказа и от Центральной Африки до Центральной Азии. География — это судьба, и от своей судьбы нам не уйти. Наоборот, мы продолжим двигаться вперёд и, если позволит Аллах, построим безопасное и процветающее будущее не только для себя, но и для всех наших друзей".

Уже после интервенции Эрдоган оправдывал действия Турции, опять же, исходя из представлений об общности: "Те, кто думает, что интерес Турции к Ливии обусловлен только экономическими, военными, дипломатическими и политическими причинами, ошибаются. Ливия никогда не была для Турции чужой страной. Ливия, наследие Барбароссы, на протяжении веков была важной частью Османской империи. У нас очень глубокие исторические, человеческие и социальные связи. Никто не может ожидать, что мы отвернёмся от наших ливийских братьев, которые ищут помощи у нашей страны".

Операция в Ливии была беспрецедентной в истории турецкого государства, особенно с учётом расстояния, разделяющего обе страны. Впервые со времён Османской империи Турция провела военную операцию так далеко от своих границ. Турция вместе с силами ПНС эффективно отразила наступление Хафтара и начала контрнаступление на восток, достигнув окраин Сирта.

Если ранее Анкара принимала косвенное участие в военных действиях в Ливии через связанную с правительством ЧВК "САДАТ Дифенс", то теперь военное вмешательство включало в себя беспилотники, радары и системы постановки помех, военную технику и артиллерию, разведку, военно-морскую поддержку и сухопутные войска, а также не в последнюю очередь — участие поддерживаемых Турцией сирийских повстанцев. После победы над Хафтаром Турция и ПНС подписали два меморандума о взаимопонимании: один — о делимитации морских зон, другой — о сотрудничестве в области безопасности.

Меморандум о взаимопонимании с Ливией о делимитации ИЭЗ стал попыткой укрепить и узаконить морские претензии Турции, учитывая, что до этого момента их разделяла только кипрско-турецкая администрация. Однако указанное разграничение остаётся произвольным, поскольку игнорирует суверенные права Греции и Египта, а также их право участвовать в переговорном процессе с Турцией по вопросам морских юрисдикций.

В целом участие Турции в ливийских делах вполне соответствует её ревизионистской стратегии в Восточном Средиземноморье (включая морские исследования и бурение). Достаточно сказать, что идея турецко-ливийской ИЭЗ пропагандировалась с 2011 года контр-адмиралом Джихатом Яйджи, одним из идеологов "Голубой Родины". Меморандум о взаимопонимании по морским зонам 2019 года стал точным воплощением его предписаний.

С помощью меморандума по безопасности и военному сотрудничеству Турции удалось консолидировать в Ливии своё военное присутствие и влияние. В частности, Анкара добилась для себя использования двух ливийских военных баз — военно-морской базы Мисрата и авиабазы Аль-Ватия, а также сохранения своих сил в стране.

Консолидация экономического, политического и военного присутствия Турции в Ливии также служит её более широкому политическому присутствию в Африке. По состоянию на 2020 год Эрдоган посетил 28 африканских стран, а количество посольств Турции на континенте увеличилось с 12 в 2002 году до 42 в 2019-м. Помимо отношений, которые Анкара развивала в 2010-е годы с такими странами, как Сомали, Судан и Мавритания, в том числе в военном секторе, её опора в Ливии позволила расширить сотрудничество и с соседними странами. В качестве примера можно привести Нигер, с которым Анкара подписала военный пакт в июне 2020 года. Всё это соответствует стремлению Турции добиться большего влияния на континенте и создать противовес влиянию Саудовской Аравии, ОАЭ, Франции и Египта.

Ахмет Давутоглу с самого начала определил важность Африки и подчеркнул стратегическую роль как Средиземноморья, так и Ближнего Востока в достижении Северной Африки и увеличении международного влияния Турции: "Чтобы получить международное поле влияния в глубинах Африки или право голоса в Средиземноморье, Турция вынуждена установить стратегический мост между своей политикой в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке как частью политики в прилегающем морском регионе и своей политикой на Балканах и Адриатике, которые, в свою очередь, являются частью её политики на прилегающей сухопутной территории, так что с этой конкретной стратегической точки зрения она поддерживает свою политику в Центральном Средиземноморье и Северной Африке". Турция, возглавляемая ПСР, рассматривает Ливию как родственное пространство с общей историей и идентичностью, как территорию, которая была отрезана от своей естественной (османской) геополитической среды и где Анкара не только может справедливо проецировать своё влияние, но за которую берёт на себя ответственность, совершая стратегическое "возвращение" в районы, которые, по мнению Давутоглу, предыдущие правительства полностью оставили.

Очень похожие взгляды и стратегии можно увидеть во внешней политике Турции на Ближнем Востоке, особенно в случаях Сирии и Ирака. По словам Ахмета Давутоглу, доминирование на Ближнем Востоке является "самым важным и необходимым шагом для любого государства, которое желает править глобально".

"КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА" В СИРИИ

Во время Первой мировой войны сирийский фронт (продолжение палестинского фронта) был, пожалуй, самым драматичным для Османской империи. Наступление британцев в Сирии в сентябре 1918 года имело решающее значение для разгрома истощённой османской армии, вынудив турков подписать Мудросское перемирие.

Для современной Турции Сирия стала восприниматься как серьёзная проблема после 2011 года. Несмотря на радикальное улучшение отношений между Анкарой и Дамаском в 2000-е годы, начало сирийского конфликта в конечном итоге вынудило Турцию потребовать от президента Асада уйти в отставку. К концу года политика Турции в Сирии была направлена на смену режима, речь даже шла о военном вмешательстве. Эта позиция была связана с такими факторами, как всё увеличивающиеся волны беженцев, обострение курдской угрозы, и с желанием Анкары быть "на правильной стороне истории". В итоге в рамках своей стратегии Турция начала поддерживать прокси-группы, выступающие против Асада, а иногда даже и курдские силы.

К середине 2010-х годов курдская угроза стала гораздо более непосредственной и серьёзной, поскольку силы курдской Партии демократического союза и её военного крыла — Отрядов народной самообороны захватили большие территории в Восточной Сирии и продвигались на запад, вдоль реки Евфрат. Они уже создали де-факто государство под названием Республика Рожава (или Сирийский Курдистан) вдоль турецкой границы, не в последнюю очередь при поддержке США. Евфрат был красной линией. После того как курдские силы пересекли его, Турция осенью 2016 года начала операцию "Щит Евфрата" и вторглась в страну совместно со своими антиправительственными прокси, установив в итоге зону контроля площадью свыше 2 тыс. кв. км на севере и создав военные базы в городах Эль-Баб и Азаз. В январе 2018 года в курдском кантоне Африн на северо-западе Сирии Турция провела операцию "Оливковая ветвь" для "закрытия" турецкой границы от курдских угроз и угроз ИГИЛ*. В октябре 2019 года последовала операция "Источник мира", в ходе которой турецкие силы захватили около 70 поселений. Впрочем, позднее турки оставили ряд занятых территорий, где их сменили сирийские правительственные войска.

Анкара представила свои операции в Сирии как оборонительные (в связи с террористической угрозой со стороны курдов и/или ИГИЛ), и в определённой степени это было правдой. Однако турецкая стратегия выходила за рамки обороны. Взяв под контроль в ходе операции "Щит Евфрата" район Джераблус — Азаз — Эль-Баб, Анкара стремилась усилить своё присутствие и расширить влияние способами, которые сирийское правительство назвало не иначе как колониальными.

Так, Турция разместила здесь несколько военных объектов. Помимо прочего, они служили тренировочными центрами для сирийских повстанческих групп. С 2016 года Турция также подготовила более 8000 сирийских арабов-суннитов в качестве полицейских для работы в районах, которые она контролировала. Эти сирийские силы безопасности присягали на верность Турции и президенту Эрдогану со словами: "Да здравствует Турция! Да здравствует Эрдоган! Да здравствует свободная Сирия!"

Поддерживаемая Турцией сирийская оппозиция выдавала людям новые удостоверения личности, уже на турецком языке. Кроме того, здесь появилось минимум пять отделений турецкой почты, были установлены указатели на турецком, турки осуществляли контроль над местным здравоохранением. Во всех этих делах непосредственное участие принимали Министерство внутренних дел Турции и муниципалитет приграничного Газиантепа. Фактически местные советы подчиняются непосредственно губернаторам ближайших турецких провинций. То же самое и с контролируемыми Турцией территориями на северо-востоке Сирии.

Управление по делам религии (Диянет) в равной степени участвовало в насаждении влияния Турции в Северной Сирии. Оно отремонтировало и построило в регионе несколько мечетей, нанимая и обучая для службы в них местных сирийцев. Под его эгидой действует ряд благотворительных организаций. По сути, Диянет действует здесь наравне с Национальной разведывательной организацией Турции.

Наконец, большое значение имеет демографическая политика Анкары в контролируемых регионах. Из-за военных операций Турции десятки тысяч людей стали вынужденными переселенцами, большинство из них — курды. При этом в курдских районах Северной Сирии Анкара расселяет сирийских беженцев, нашедших убежище в Турции. По данным турецкого правительства, расселено более 400 тыс. беженцев, большинство из которых — сунниты. Это те, кого Эрдоган назвал "родственниками Турции", те, кто придерживается антиасадовских настроений и в известной степени лояльны Турции. Таким образом, Турция закрепляет здесь своё влияние, одновременно ослабляя курдское присутствие.

В целом можно сказать, что именно парадигма имперской стратегической культуры определяла долгосрочные цели политики Анкары в Сирии и в конечном итоге бросила вызов существующему статус-кво в практическом плане. Во многих отношениях различные зоны, созданные в Сирии в результате турецких операций, де-факто стёрли турецко-сирийскую границу и переместили её дальше на юг, вглубь сирийских территорий. Таким образом, Сирия стала ещё одним практическим проявлением ревизионизма во внешнеполитическом поведении Турции.

ИРАК: КУРДЫ-СОЮЗНИКИ И НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ВЕРНУТЬ МОСУЛ

На закате Османской империи турецко-иракские отношения в значительной степени вращались вокруг вопроса о Мосуле. После 1920 года турки предприняли попытку включить Мосул в состав своих территорий, однако в конце концов вынуждены были отказаться от претензий на него.

Мосул, безусловно, был важен не только территориально, но и экономически из-за своих богатых запасов нефти. В то же время, хотя в XX веке Турция и не особо охотно участвовала в деятельности тюркских сообществ за рубежом, случай с иракскими туркменами был исключением. В частности, после окончания холодной войны Турция стала вкладываться в значительное по количеству население иракских туркмен, сконцентрированное в районе Мосула (по оценкам Турции, это 3 млн человек).

Кроме того, на протяжении многих лет Турция проводила многочисленные трансграничные военные операции на севере Ирака. В 1980-е годы Анкара получила разрешение от иракского правительства на проведение таких операций для борьбы против сепаратистской Рабочей партии Курдистана (РПК). Так, в 1984 году Турция и Ирак подписали Соглашение о сотрудничестве в области безопасности границ, которое позволяло им входить на территорию друг друга на расстояние до 5 км без предварительного согласия. Однако соглашение разрешало "только преследование по горячим следам в случае террористических атак, а не долгосрочные широкомасштабные операции". В течение 1990-х годов Турция совершила 29 вторжений в Ирак. По крайней мере, два из них — к неудовольствию иракских властей — представляли собой многомесячные крупномасштабные операции (1995 и 1997 гг.) на 80 и более километров вглубь страны с участием примерно 35 тыс. военнослужащих. В то время это были самые крупные силы, когда-либо отправленные Турцией на чужую территорию.

Движущей силой этих военных вторжений было турецкое восприятие курдской угрозы, и турецкая политика, даже несмотря на нарушения соответствующего соглашения с Ираком, носила оборонительный характер. Те же опасения вновь всплыли во время вторжения США в Ирак в 2003 году и одного из наиболее значительных кризисов в американо-турецких отношениях, который разразился, когда турецкий парламент запретил американским войскам доступ в Ирак через турецкую территорию. Опасения Турции начали ослабевать после 2005 года, когда Ирак принял новую федеральную Конституцию, местные курды умерили свои надежды на независимое государство, а Курдское региональное правительство (КРП, Иракский Курдистан) отмежевалось от деятельности РПК. Однако курдский вопрос и присутствие РПК на севере Ирака оставались проблемой в течение следующих нескольких лет. Когда в 2007 году было предотвращено крупномасштабное турецкое военное вторжение, отношения Турции и КРП изменились к лучшему и значительно улучшились в последующие годы — до такой степени, что КРП закрыло глаза на турецкие трансграничные операции в Северном Ираке и увязало собственную безопасность с Турцией. Улучшение отношений с КРП означало увеличение экономических выгод и политического влияния для Турции — как в Иракском Курдистане, так и в Ираке в целом.

Растущее влияние Турции в Ираке со временем приняло и другие формы. Наступление ИГИЛ в 2014 году и захват его боевиками Мосула лидеры Турции расценили не только как угрозу безопасности, но и как возможность. Благодаря успехам ИГИЛ в 2015 году турки развернули новый воинский контингент численностью около 3 тыс. в Башике, городе к северу от Мосула. Целью Анкары была подготовка курдов и арабов-суннитов для борьбы против ИГИЛ.

Впрочем, и без базы в Башике Турция создала комплексную систему сдерживания на севере Ирака. В конце концов всё вышло за рамки простых соображений безопасности и несло сильный элемент экспансионизма. Как и в случае с Ливией и Сирией, Турция воспользовалась вакуумом власти и потребностями безопасности (либо собственной, либо местного населения), чтобы укрепить свою стратегическую позицию.

В октябре 2016 года иракские власти решили, что турецкие силы, дислоцированные в Башике, являются "иностранными оккупационными силами", нарушающими суверенитет Ирака, и призвали к их выводу, сославшись на риск "региональной войны". Ответ Эрдогана был резким: "Не вам со мной разговаривать. Вы мне не ровня. У нас разный уровень и разный статус. Ваши вопли и крики в Ираке не имеют для нас значения. Вы должны знать, что мы пойдём своим путём. Турецкая армия не настолько слаба, чтобы подчиняться вашим приказам. Мы сделаем всё, что нам необходимо, как делали это до сих пор".

Кроме того, у Турции были большие планы на Мосул. "Можем ли мы оставить Мосул? — вопрошал Эрдоган. — Мы присутствуем в истории Мосула. А что они делают сейчас? Они замышляют отобрать Мосул у жителей Мосула и предложить его другим. Но мы настаиваем на том, чтобы в Мосуле жили жители Мосула".

Анкара стремилась максимально участвовать в операциях против ИГИЛ и тем самым добиться большего влияния и контроля в Мосуле и вокруг него. Однако её участие — из-за противодействия иракского правительства и США — было ограничено турецкими прокси, например из числа курдов, туркменов и суннитов.

Через своих прокси — КРП либо суннитскую "Хашд аль-Ватани" — Турция пыталась создать регион внутри Ирака, который был бы лояльным по отношению к её интересам, продолжал снабжать Турцию нефтью и позволял Турции действовать здесь, выступая при этом в качестве буфера между её собственными границами и Багдадом. Неслучайно почти 15 лет назад Давутоглу писал, что "неполитические границы" между Турцией и Ираком ("Северная и Южная Месопотамия") находятся "под постоянным давлением реальных геополитических элементов", намекая на представление о том, что Северный Ирак является частью естественного геополитического пространства Турции.

Однако, несмотря на все усилия Анкары, позиции Турции в Ираке оставались ограниченными. Она по-прежнему сохраняет вооружённые силы и базы в Башике и на территории КРП, но ей не удалось добиться ни стабильного сдерживания (по-прежнему проводятся частые трансграничные операции против РПК), ни усиления своего влияния в Ираке, как это имеет место, например, в Сирии. Анкара стремилась стать центральным игроком, определяющим повестку дня после освобождения Мосула, как посредством своего присутствия, так и через "родственных" прокси. Но противодействие со стороны правительства Ирака и США послужило сдерживающим фактором, который помешал реализации её целей.

Более того, в сентябре 2017 года Турция столкнулась с ещё одной серьёзной проблемой, которая была связана с референдумом КРП о независимости. Несмотря на хорошие отношения, которые Курдское региональное правительство поддерживало с Анкарой, президент КРП Масуд Барзани попытался извлечь выгоду из роли, которую его силы сыграли в битве против ИГИЛ, чтобы продвинуть независимость региона, а также пересмотреть свои отношения с центральным правительством в Багдаде. Однако Барзани не только не получил особой поддержки со стороны международного сообщества, но и вызвал гнев ключевых игроков, таких как Багдад, Иран и Турция, и те отреагировали различными мерами. Среди прочего Эрдоган пригрозил перекрыть поток нефти, экспортируемой из Иракского Курдистана через Турцию, который является важным источником доходов для КРП. В итоге, хотя иракские курды подавляющим большинством проголосовали за независимость, результаты референдума так и не были реализованы.

Отношения Турции и КРП оставались холодными в течение следующих нескольких лет, но в конечном итоге вступили в процесс нормализации из-за общих политических, экономических и геостратегических интересов.

В целом в Ираке, как и в других случаях, Турция сочетала элементы обороны и нападения в своём внешнеполитическом поведении, чтобы противостоять угрозам безопасности, пересмотреть статус-кво и расширить своё влияние. Однако в случае с Ираком это была по большей части неудачная — или не совсем удачная — попытка ревизионизма. Турции не удалось ни защитить туркменские территории от шиитского влияния, ни расширить на них собственное присутствие. Аналогичным образом ей не удалось предотвратить референдум иракских курдов о независимости, несмотря на тесное сотрудничество, которое сложилось между Турцией и КРП с конца 2000-х годов. В этом смысле как ревизионистские, так и оборонительные цели Анкары оказались в значительной степени ограничены. С другой стороны, Турции удалось сохранить силы в Северном Ираке, что свидетельствует как о решимости Анкары, так и об ограниченных возможностях Багдада. Это присутствие может обеспечить некоторые рычаги воздействия в будущем по отношению к Багдаду и КРП и даже к другим игрокам, таким как Иран и США.

Подводя итог, можно сказать, что в последние два десятилетия Турция, всё более переосмысливающая себя, всё более порывающая со своим кемалистским — республиканским и секулярным — укладом и ориентирующаяся на османское — имперское и исламское — наследие, становится важным локомотивом пересмотра сложившейся во второй половине минувшего века геополитической картины мира. Причём происходит это буквально явочным порядком, поскольку нарастающий хаос в международных делах даёт Турции множество поводов для реализации её ревизионистских амбиций, в основе которых — стремление исправить "историческую ошибку" кемализма и Лозаннского договора.

Как мы видели, Турция предпочитает вмешиваться в дела стран, которые имеют для неё историческое, идеологическое (например, основанное на османском прошлом или религиозной/этнической идентичности) и геостратегическое значение (в контексте её геополитических устремлений) и которые пребывают в уязвимом положении, будь то в экономическом, военном или ином отношении. Её участие сопровождается различными видами поддержки государства-клиента, которую Анкара позже обменивает на стратегическое влияние, приближая физические границы к "границам своего сердца".

Дмитрий ЗЕЛЕНЦОВ

* Запрещённая в РФ террористическая организация

Памятник хану Батыю в городе Сёгют в ряду статуй османских султанов (указаны годы создания и упадка Золотой Орды)

Очередной 5 (123) номер журнала "Изборский клуб" освещает тему многополярности и нового баланса сил. Открывает издание статья Александра Проханова "Битва за гармоничный мир".

Также представлены работы Валерия Коровина "Перезагрузка миропорядка", Дмитрия Зеленцова "Границы сердца" и "Лозаннский синдром", Владимира Парамонова "Центральная Азия в меняющейся геополитической картине мира", Михаила Ермолаева "Битва киновселенных", Игоря Бабичева "Концепция цивилизационного мировоззренческого канона", Максима Калашникова "ГОЭЛРО: можем ли повторить?", Романа Багдасарова и Андрея Ефименко "Восхождение Красной звезды".

В номере опубликована беседа Александра Проханова и Евгения Савченко "Сбережение народа".

Леонид Савин в статье "Ревущая многополярность" пишет: "Хотя в США панически твердят о рисках, связанных с конкуренцией великих держав, текущее изменение баланса сил выводит на новый уровень средние и даже малые державы, которые получают новые роли и не хотят отказываться от участия в мировых делах. Те же действия хуситов в Йемене наглядно демонстрируют, как небольшой актор (по сравнению с крупными военными альянсами) может повлиять на политику и экономику промышленно развитых государств. В данном случае в пользу хуситов играет геостратегическое расположение Йемена. Но такие же козыри есть и у многих других стран по всему миру".

Рубрика "Библиотекарь" знакомит с книгами Александра Проханова "Меченосец", Вардана Багдасаряна "Сталинизм: Цивилизационное осмысление", Алексея Комогорцева "Новая Атлантида: Цивилизация Потопа 2.0"

К 70-летию члена Изборского клуба писателя Юрия Полякова в рубрике "Стихия" вышла подборка его стихов, которую предваряет статья Геннадия Красникова, посвящённая творчеству юбиляра.

Юрий ПОЛЯКОВ.
Из стихов 1990-х годов

Растрачена святая сила,
Победный изветшал венок.
И мнится: кончилась Россия…
Но Пушкин, Лермонтов и Блок!

Они всегда повсюду с нами,
Врачуют тех, кто изнемог,
Укрыв небесными крылами,
Вновь — Пушкин, Лермонтов и Блок.

Лукавят ложные мессии,
А нам опять урок не впрок,
Но сердце помнит: у России
Есть Пушкин, Лермонтов и Блок!

Считает серебро Иуда,
Но мелким бесам невдомёк:
Россию не сломить, покуда
Есть Пушкин, Лермонтов и Блок!

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24